

Капитан задумался. Несколько минут они сидели каждый в своих мыслях. Наконец он нарушил молчание:

- История с Игнатовым младшим, такая же интересная?

- Прошло чуть больше десяти лет, мы давно выпустили Марата из одиночки, и разрешали ему рисовать при некоторых условиях, все что он нарисует - он никому не показывает, не хранит, и сразу уничтожает. Он вел себя смирно, а принимаемые им таблетки, полностью подавили его агрессию. В технику безопасности вписали несколько новых, и странных на первый взгляд правил. Не брать у пациентов их рисование, следить что бы пациент 98\Б уничтожал все что он нарисует, и пресекать любые попытки других пациентов забрать его тетрадь. За все время, был всего один инцидент с без вести пропавшей, одна из новеньких медсестер ушла утром, и не вернулась. Мы не были уверены что виноват рисунок, потому спустили на тормозах. И вот спустя десять спокойных лет, у нас появляется новый пациент, некто Игнатов Вячеслав Григорьевич, которого сразу заинтересовал тот пиетет, оказываемый тихому психу-художнику. Ну как же, в новом обществе не он центровая фигура, а какой-то неизвестный лысый дядька, который даже не разговаривает, а сидит уткнувшись носом в тетрадь, и что-то там черкает. Сначала он его подначивал и дразнил, но не получив никакой реакции, разозлился. И решил отобрать у него тетрадь. Как рассказывают видевшие все санитары, он отобрал у него его рисунки, и начал смотреть. Они побоялись его остановить, как написано в правилах, т.к. знали, что Игнатов у нас на особом положении, так вот, пролистав ее, он со словами 'А это вроде ничего так' вырвал один лист. Положил его себе в карман, и бросил тетрадь хозяину. Я после этого разговаривал со Славой, спрашивал, не снятся ли ему странные сны? Попросил показать мне рисунок. На что он ответил, что сны у него самые что ни есть нормальные, а картинку он давно выкинул. Через пару дней я обнаружил у него засос на шее, это вообще-то ничем удивительным не является, только вот одно но. На тот период в нашей клинике из женщин была толстая повариха 60-ти лет, и уборщица армянка, с усами как у Чапаева, а остальные мужики. Ну не верю я, что парень, которого постоянно видели в обществе фотомоделей, посмотрит в сторону нашей женской половины. А значит история повторяется... Надо что-то предпринять. Только вот сделать ничего не успел, на следующее утро, его нашли в палате с отгрызенной головой. Вот теперь думай Толик, хочешь ты поговорить с Маратом, или нет.

- А ты сам с ним говорить не пробовал? Наверняка спрашивал его, как он рисует?

- Конечно, спрашивал. Только имей ввиду, у Лазинского тяжелая бредовая шизофрения, у него в голове живет еще одна личность который советует ему рисовать. Он говорит, что это голос женщины, она зовет себя его другом, и чтоб не болела голова, по словам этого голоса, надо рисовать. Кстати довольно странно, воображаемый друг который формируется у взрослых людей, обычно одного с ним пола, хотя исключения тоже встречаются.

- Даже и не знаю... Загрузил ты меня Паш, давай на сегодня закончим, а я пока подумаю что мне делать дальше. Я тебе завтра позвоню

- Хорошо, давай, до завтра

Психиатр пошел по улице, по дороге почесывая засос на своей шее. Он не все рассказал своему другу. Он решил не говорить, что нашел этот злополучный рисунок в вещах Игнатова, и не смог его выбросить. Оттуда ему улыбалась очень красивая женщина, ее светлую улыбку, не портили длинные клыки, на верхней и нижней челюстях. Уже три ночи подряд, она приходит к нему во сне, ласкает его тело шаловливыми руками, целует в губы, в шею, и вот вчера она оставила ему засос.

- Интересно, сколько мне осталось? - задал вопрос в никуда Павел Алексеевич, и подняв воротник, поспешил к себе в клинику.

<http://tl.rulate.ru/book/71184/1905237>